

* * *

После крещения ребёнка к отцу Пью подошла крёстная и спросила, что он думает о традиции, когда по возвращении домой у порога кладут разные предметы, связанные с различными профессиями. Дескать, какой предмет дитя выберет первым, на такую профессию и следует родителям его ориентировать в будущем.

Подумав, протопоп сказал:

– Вы, главное, шприц не кладите. А то не факт, что малыш потом врачом станет.

* * *

Ученики, приступив к учителю, спросили, почему во время просмотра «Первого канала» у них возникает чувство рассинхронизации.

– Какой-то сюр, – покивал головой старший из учеников, – как будто на разных планетах живём.

Учитель отложил в сторону свежий номер «Сибирской православной газеты», присланный ему с оказией, и промолвил:

– Всё дело в том, что время движется по-разному в зависимости от гравитации. Чем дальше от Земли, тем медленнее. «Останкино» расположено в ста шестидесяти метрах над уров-

нем моря. Высота телебашни – пятьсот сорок метров. Итого сколько получается?

– Семьсот метров, учитель, – вразной ответили ученики.

– Вот видите! У них там, поди, ещё Христос не воскрес, а мы тут ждём не дождёмся Его второго пришествия.

* * *

Не зная, чем побесить проректора по воспитательной работе, да так, чтобы им ничего за это не было, семинаристы придумали называть друг друга дядями и тётями.

– Дядя Фёдор, у вас сигаретки не будет? – спрашивал один другого в присутствии объекта курощения.

– Не курю и вам, дядя Миша, не советую. Курить – бесам кадить, – степенно отвечал вопрошаемый.

– Вы меня устыдили, мон шер. Не уважаю бесов, – качал головой дядя Миша и раскланивался.

Отец воспитатель бесился, понимая, что троллят именно его, но предъявить ничего не мог за отсутствием состава преступления.

А довольные студенты в конце концов привыкли общаться в таком ключе и при всех преподавателях, и даже один на один, породив новую семинарскую традицию.

10

* * *

Спешащего причастить больную отца Пью остановил один прихожанин и спросил, как правильно относиться к сектантам.

– Как вы хотите, чтоб они относились к вам, – ответил поп и собирался уже идти, но дядьку этот ответ не удовлетворил.

– Так они же еретики, и они все деструктивные.

– Но ведь то же самое они думают и о вас, – озадачил прихожанина отец Пью, извинился и умчался.

* * *

– Были люди вместо крыс. Были крысы вместо нас, – напевал владыка на мотив песни группы «Танцы Минус».

Он сидел за письменным столом и читал заметку в городской газете, в которой говорилось о создании детского дома на территории епархиального управления. Автор статьи не мог определиться: то ли церковники хотят прибрать к рукам бюджетное финансирование, то ли готовят армию христианских фанатиков, а может, ими вовсе движут извращённые половые интересы. Журналист пользовался псевдонимом Аввакум Растрига.

Архиерей закатил глаза:

– Господи, прежде чем расстригаться, он бы постригся сперва, что ли...

Позвонили с местного телеканала, попросив прокомментировать статью.

– Слово «расстрига» пишется через две буквы эс! – отрезал владыка и положил трубку.

* * *

Один преподаватель очень уважал монархию и проповедовал её семинаристам. А ребята, как и положено в их возрасте, были большей частью максималистами и относились к идее сильной руки со скепсисом.

Когда в очередной раз студенты услышали, что в раю монархия, а в аду демократия, то не выдержали и зашушукались.

– Что такое? – спросил священник.

– Да вот дядя Фёдор имеет нечто репти, – сказала одна студентка.

– Благодарствую, тётя Лена, – поклонился третьекурсник. – Видите ли, отче, в аду вовсе не демократия, а самое что ни на есть настоящее царство.

– Откуда вы это взяли, раб Божий? – недовольно спросил преподаватель.

– У блаженного евангелиста Матфея, – перекрестившись, отвечал дядя Фёдор, – аккурат в

двенадцатой главе. Это, конечно, противоречит словам вашим и не менее уважаемого мной праведного Иоанна Кронштадтского, но кто я такой, чтобы не доверять апостолу?

– Я не понял, вы за демократию, что ли? – возмутился отец Владимир под гадкое хихиканье класса.

– Если между нами, в глубине души я сочувствую теократии, но вот наш президент – он за демократию. А кто я такой, чтобы противиться президенту? – смиренно ответил семинарист, опустив голову.

Преподаватель обвёл глазами радостных студентов и объявил, что всё это, возможно, замечательно, но по его предмету раб Божий Фёдор получает неуд.

– Понимаю, – сложив крестообразно руки на груди, промолвил дядя Фёдор. – Идея монархии весьма удобна для подавления низших авторитетом и властью.

За это студент получил «тропарь» и был отправлен объясняться с проректором по воспитательной работе, но сам он почему-то остался доволен.

* * *

К отцу Тигрию через весь храм бежала заплаканная паломница.

– Батюшка, я вспомнила, что во время ночной рождественской службы съела освящённый хлебец, а потом забыла и причастилась. А уже днём после обеда вместо малой агасмы по ошибке выпила крещенской воды!

Игумен остановился и молча посмотрел на женщину, ожидая вопроса.

– Я такая грешница! Я теперь умру, наверное? – навзрыд спросила она.

– Поскольку Христос медлит с приходом, то, скорее всего, да, умрёте когда-нибудь. Литийные хлеба и великая агасма хоть и святы, но на райское Древо жизни не тянут, увы, – развёл руками настоятель.

* * *

Одна белка решила заняться золотыми приисками. Дело прибыльное и серьёзное. Обсудив его с остальными членами одиозного клуба, белка начала поиски с жилища Павиана, пока он обходил свои владения. Но никакого золота у царя зверей не оказалось. Зато там обнаружилась шкурка с мехом какого-то небольшого зверька.

Это внушило белке сильнейшие верноподанические чувства и долю презрения к гибельному металлу.

* * *

– Как правильно подготовиться к смерти? – спросили прихожане отца Пью после зауспокойной литии.

– Нужно научиться любить, – ответил пастырь, – Бога и каждого, кого Он нам дал. Научиться любить природу, живую и неживую. Это наше достояние, которое мы должны привести в совершенство. Тогда смерть будет для нас приобретением, рождением в вечность, а не унылым концом тщетного ожидания алых парусов.

– Да мы не о том, – сказали прихожане. – Гроб, там, прикупить, может, подушку набить из троицкой травки и цветочков с плащаницы, погребальный набор освятить заранее, ладан херувимский чтоб...

Тут отец Пью осерчал, плюнул и ушёл в алтарь.

* * *

Один меценат, решив сделать пожертвование монастырю, начал колебаться, увидев, как игумен выносит вино за ворота и угощает им каких-то побирушек и прочих подозрительных лиц.

Представившись, он начал с того, что лично знаком с многими членами Синода, продолжил намёком на собственную состоятельность и значимость для Церкви, а закончил тем, что, бросив многозначительный взгляд на выпивающих бродяг, спросил:

– А что, ваше высокопреподобие, правду говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты»?

Нахмурившись, отец Тигрий ответил:

– Видите ли, любезнейший, даже если твой друг сам Христос, это вовсе не обязательно означает, что ты не Иуда. Вы меня, грешного, простите, пойду я: подружки-проститутки сами себя не навешают.

– А? – ошалело переспросил меценат.

– Козлища, говорю, не отсортированы, свины не окольцованы, змеи не заговорены, псы опять же без святыни сидят, – пояснил монах и ушёл куда-то вглубь монастыря.

* * *

К отцу Пью, уныло втыкающему в телефон во время дежурства в соборе, подошла женщина и заинтересовалась:

– Нужно ли бояться числа 666?

Протопоп заозирался и шёпотом сказал:

– Ну ещё бы! Оно страшное. Вот произнесите его. Шестьсот шестьдесят шесть. Как будто змея шипит. А ведь именно змий соблазнил на грех нашу праматерь Еву!

– Вы шутите, что ли? Не пойму, – сказала женщина.

– Да уж какие тут шутки! – ответил пастырь. – Я даже на всякий случай вырвал из Библии шестьсот шестьдесят шестую страницу, ибо мало ли как оно повернётся.

– А сами вон в смартфоне сидите. Уж не там ли эти три шестёрки?

– Возможно. А что делать? Засасывает, – признался отец Пью и сокрушённо уронил голову на руки, притворившись спящим.

* * *

– А правда же, что дети, зачатые в пост, будут больные?

Этот вопрос задал бородатый паломник игумену монастыря.

Уставший от бесконечных звонков, отец Тигрий хотел было уточнить, по какому календарю пост – юлианскому или григорианскому – и откуда он вообще взял, что дети должны из-за этого болеть? Но, увидев горящий взор мужчины, грустно поинтересовался:

– Вы, очевидно, один из этих детей?

И, не дождавшись ответа, побрёл к коровнику.

* * *

Отец Пью подошёл к руководителю клуба трезвости и сказал:

– Бать, у меня есть предложение провести флешмоб «Два дня без алкоголя».

Священник обрадовался и воскликнул:

– Отченька, наконец-то! Я всегда за тебя молился, чтобы ты освободился от влияния зелёного змия!

– Ну вот, дошли твои молитвы, – поклонился отец Пью. – Спаси тебя Христос!

– А какие даты ты предлагаешь охватить? – поинтересовался борец за трезвость.

– Тридцатое и тридцать первое февраля, – ответил протопоп.

Священник почему-то обиделся и ушёл.

* * *

– Сказать ли вам притчу о Страшном суде? – спросил отец Тигрий, выйдя на амвон.

– Ой, а можно лучше про НЛП? – поинтересовался парень.

– А чего там рассказывать? – удивился игумен. – Обычная манипулятивная практика, паразитирующая на психологии и лингвистике.

– Да просто у меня коллега – энэлпэшница. Я и хотел узнать, стоит ли мне её бояться? Вы же филолог, – пояснил юноша.

– Ну если как филолог, тогда – конечно, – задумался настоятель. – Возьмём сказку про Ко-

любка, например. Страшное дело! Лиса-энэлпэшница лишила Колобка силы воли и съела его. Увидите нейролингвистического хакера – читайте заговоры и сворачивайте в кармане вот эту мудру.

И отец Тигрий показал всем фигу с амвона.

– А я всегда думал, что Колобок просто был дураком, – озадаченно протянул молодой человек.

– Ну а ты, брат, дураком не будь. Аминь, – добавил игумен, перекрестился и ушёл в алтарь за чашей.

– Учитель, Украина не собирается праздновать День Победы! – почти хором воскликнули ученики, ворвавшись в сад.

Учитель взволнованно отпрянул от яблони и стал возбуждённо ходить взад-вперёд.

– Вот что мы сделаем! – придумал он. – В ответ мы не станем праздновать День защитника Украины!

После чего подобрал брошенную кисть и спокойно возобновил побелку коры.

С утра на телефон отца Пью начали приходить картинки о Прощёном воскресенье. В принципе, никто конкретно прощения не просил, да и не за что было бы по большому счёту. Поэтому в ответ отец Пью ничего посылать не стал, зато подошёл после литургии к руководителю клуба трезвости и попросил прощения за свою выходку с флешмобом.

– Да пошёл ты на фиг! – ошетинился тот.

Отец Пью слегка поклонился и отошёл, дабы не бесить.

Отец Тигрий, приняв лекарство, уже мирно засыпал после тяжёлого дня, когда ему позвонили из какой-то газеты и спросили: «Нужно ли хоронить Ленина?»

– Мне вообще-то плевать. Позвоните по номеру сто двадцать пять, – сдержанно ответил собеседник ангелов и отключил телефон.

Наутро звонили из епархиальной канцелярии, уточняли.

– Да тут один бесноватый трубку взял, ага, – отвечал игумен. – Да-да, обязательно накажем мучительно навсегда! Боже, храни королеву!

Положив трубку, отец Тигрий позвал отца эконома и поинтересовался, сколько нужно не платить за телефон, чтоб уже отключили за неуплату.

– Батюшка, а вот ещё минутку можно? Меня замуж не зовут! Это значит, мне нужно в мона-

стырь идти? – спросила отца Тигрия на исповеди девушка лет двадцати.

– Так тебя и в монастырь не зовут, – ответил игумен.

– Э-э-э, ну так ведь меня там и не знают, в этих монастырях, ну в которые не зовут, а то, может быть, и позвали бы. Наверное. Я не знаю, – запуталась исповедница.

– Парни тоже, поди, не все в курсе твоего существования, – предположил отец Тигрий. – Иди давай причащайся и не выдумывай. Монастырь ей!

Задумали белки войну. Долго выбирали противника. Остановились было на совах.

– Погибнем же в неравном бою, покрыв себя вечной славой! – воскликнула белка-кавалергард.

Задумавшись о масштабах и здравом смысле, остальные участницы кампании посоветовались и назначили на роль неприятеля белых медведей, которые на битву так и не явились, навеки покрыв себя позором.

Владелица небольшой компании подошла к бывшему настоятелю отца Пью с предложением удалить из храма людей ниже неё по статусу и достатку, чтобы никто не мешал молиться.

13 Подробно расспросив её, священник предложил оборудовать домовый храм прямо в её конторе, чтоб там могли молиться она сама и равные ей по чину.

Таким образом, уже через месяц настоятель отчитался архиерею о новом храме и служил в нём молебны по большим праздникам за небольшую зарплату.

– Господа, вы читали поправки к конституции? – спросил дядя Фёдор прочих семинаристов во время полдника. – Что думаете?

– Треш, угар и кривословие? – предположил первокурсник дядя Петя, принципиально не читавший светских новостей.

– Честно, я пыталась осмыслить, но не поняла смысла многих формулировок, – пожаловалась тётя Лена.

– Пиши пьяным, редактируй трезвым! – вмешался дядя Миша.

– Первая часть как раз возражений не вызывает, – задумался дядя Фёдор, – но как быть с трезвостью? Хемингуэй в Госдуму не придёт.

Тут пришёл проректор по воспитательной работе и всем, кроме девочек, дал поклонов за крамольные разговоры.

* * *

– Учитель, вот смотрите, эмвэдэшная статистика, – обратился ученик к учителю. – В семнадцатом году на Пасху в храмы приходит один и восемь процента населения, а через два года, в девятнадцатом, – один и семь. Почему такая духовная девальвация?

– Будь я проклят, если это всё нельзя как-то объяснить снижением цен на энергоносители, – воскликнул учитель.

* * *

Один петух спяну уснул на курином яйце. С утра из-за этого случился переполох, его обвинили в колдовстве, поскольку всякий знал, что от яйца, снесённого петухом, добра не жди.

Так и сожгли бы петуха на костре, если бы не белки, выкравшие яйцо раздора. Петуха отпустили за недостатком улик, а яйцо как вещдок было съедено, несмотря на пост, ибо сам, оскормаясь, погибай, а ближнего от инквизиции спасай.

* * *

Прибывшие в епархиальный детский дом дети были сперва похожи на взъерошенных галчат, сбившихся в стаю. Но вскоре, когда ребята освоились, к воспитателям и самому отцу Пью уже потекли первые доносчики.

Когда протопоп понял, что происходит, то созвал всех в концертный зал, выпроводил воспитателей за дверь и по секрету объявил, что в совершенстве владеет колдовством, а каждый донос ставит под сомнение его способности.

– Знаете моё прозвище? – спросил он.

– Отец Пью, – ответил тоненький голосок.

– Это потому, что я от юности и науки слепой, – понизил голос директор. – Но благодаря тайной зелёной магии я научился со временем многое видеть. Особенно то, чего не видят другие.

Воцарилось гробовое молчание.

– Кто сдаст ближнего своего, того заколдую. Всем ясно?

Дети молча закивали.

– А вы научите нас колдовать? – раздался всё тот же тоненький голос.

– Возможно, – после небольшой паузы сказал отец Пью, – но только тех, кто окажется этого достоин. Воров, лжецов и подлецов учить не стану. Разойдись!

И, эффектно взмахнув рясой, будто профессор Снейп, быстрым шагом вышел из зала.

С того дня доносы прекратились.

* * *

Медведь выступил с сенсационным заявлением об инопланетянах. Утверждал, что его при-

глашали в межзвёздный корабль и склоняли к тому, чтобы улететь на другую планету.

Лесной народ разволновался, гадая, как всё это повлияет на иерархическое устройство звериного сообщества. Поэтому Павиану пришлось запретить употребление в пищу мухоморов.

* * *

Заметив, что во время всей первой седмицы Великого поста в алтаре использовали самый дешёвый ладан, по запаху больше напоминавший канифоль, юный пономарь спросил о том дьякона.

– Это чтоб Господь тоже попостился, – важно ответил отец Лука.

* * *

На одном из занятий преподаватель поднял тему наркомании. Семинаристы сперва молча слушали священника, потом начали дискутировать.

– Ой, я вообще этих торчков за людей не считаю, – заявила одна студентка. – Сидят засыхают, слюни пускают, аж смотреть противно, фу!

– Просто никто из ваших близких, сударыня, не умирал с иглой в вене, – тихо сказал доселе молчаливый дядя Дима. – А когда ты его поднимаешь, укладываешь на кровать, распрямляешь руки и ноги, а потом дожидаясь полицию и носильщиков, глядя в его лицо...

Семинарист замолчал, скривившись в гримасе. Было видно, что он пытается удержать слёзы.

– Урок окончен, – сказал преподаватель и отпустил всех на улицу, оставшись в классе один.

* * *

Узнав слухи о высадке человека на Луну, белки устроили дебаты. Одним казалось, что это лишь мистификация, другие, напротив, уверяли, что отчётливо видят на небесном светиле человеческий лик. Дело чуть было не дошло до дуэли, но белка-поэтесса, прошептав непонятное: «Двадцать шесть их будет, двадцать шесть», вмешалась и напомнила, что их общим врагом является обезьянья деспотия.

Аристократки успокоились и договорились считать лунную рожу происками Павиана.

* * *

В детский дом приехал известный меценат и депутат областного совета. Галантно пожал отцу Пью руку в стиле «дохлой рыбы» и отправился осматривать помещения, пространно рассуждая о вопросах демографии и защиты детей.

Мимо прошёл десятилетний мальчик. Увлечённый эскимо, он не замечал никого вокруг. Депутат замолчал на полуслове и проводил маль-

чишку взглядом, смерив с ног до головы. Обернувшись к собеседнику, он увидел, что священник смотрит на него тяжёлым взглядом.

– Э-э-э, а детишки разве не постанут у вас? – нашёлся меценат.

– Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними Жених? – процитировал отец Пью.

– А кто жених? – заулыбался депутат, теребя запонку.

– Иисус Христос, – не ответив на улыбку, сказал пастырь. – А пойдёмте-ка посмотрим спортзал, где я лично обучаю парней боксу.

Народный избранник сослался на плотный график и удалился, оставив после себя приторный запах духов.

Один человек был очень взволнован фильмом «Матильда». Ведь о нём говорили с амвонов, в трапезных, на папертях и в очередях за антидором. С одной стороны, посмотреть очень хотелось, а с другой – грех же, страшно. Как потом бесам в глаза смотреть на мытарствах? Тем временем Матильда преследовала его в разных обличьях. Вот она мурлычет кошкой фрекен Бок. Смотрит гадюкой из кармана Моховой Бороды. Признаётся в любви киллеру Леону. Исполняет партию меццо-сопрано в опере Россини.

Чувствуя, что сходит с ума, человек разрубил гордиев узел, скачав кино с торрент-сетей. Почему не купил диск? Да потому, что платить за греховодные фильмы было не в его привычках.

«Вот ещё – всякую сатану кормить!» – фыркнул человек, надел наушники, чтоб не услышали соседи, и начал просмотр поздней ночью.

Когда плот с Козловским взорвался, человек швырнул мышкой в монитор и разразился истерическим хохотом, чем сильно напугал подслушивающую старушку за стенкой, наркомана-закладочника под окном и опергруппу в кустах.

А на следующий день на стене под его окном появилась неровная надпись: «Казёл».

Белка-живописец как-то раз написала портрет Павиана и повесила его в туалете. А на вопросы подруг отвечала так: «В минуты затруднений мне всегда приятно ощущать поддержку царственной особы».

Отца Тигрия загнала в угол прихожанка и спросила:

– Батюшка, а в пост с мужем нельзя?

– У вас совесть есть? – спросил игумен.

– То есть нельзя, да? – огорчилась женщина.

– А мозги у вас есть? – не успокаивался настоятель.

– Ну есть, – обречённо протянула несчастная паломница.

– В таком случае, если и мозги, и совесть при вас, не задавайте больше подобных вопросов монахам. И вообще, не попробуйте ли вам впредь решать такие вопросы с мужем наедине?

В целях повышения престижа верховной власти Павиан основал высочайшее аристократическое общество, куда включил обезьян и наиболее благородных зверей.

Вскоре многие стали спрашивать белок, почему они не подадут прошение о включении в общество.

– Пусть лучше спрашивают об этом, чем будут вопросы, что мы там делаем, – гордо ответили белки-оппозиционеры.

В семинарии пришлось ввести запрет на все вариации слова «обнулить» ввиду невозможности проводить занятия. Любой ответ на уроке, любой диалог терял серьёзность.

– Перебесятся и забудут, они же максималисты, – вступилась было за ребят методистка, но её не послушали.

Однажды звери увидели, что Павиан употребляет в пищу мухоморы.

– Как же так, о светлейший? – недоумённо спросили они. – Ведь ты сам запретил их есть.

Павиан пришёл в ярость и рявкнул, оскалив страшные клыки:

– Законы пишутся для подчинённых, а не для начальства!

Отца Тигрия пригласили в Общественную палату.

– Скажите по секрету, у вас в палате дураки имеются? – заговорщически спросил он.

– Ну не без этого, к сожалению, – был честный ответ.

– Тогда на кой вам ещё дураки со стороны? – удивился игумен.

Узнав, что обезьяны на сбор плодов тратят слишком много времени, белка-изобретатель придумала для них корзины-рюкзаки. Работа закипела, и благодарные обезьяны донесли о том до царя.

Павиан внимательно рассмотрел дело и назначил белке штраф в сто орехов, за то что она

15

не изобрела такую корзинку раньше и тем виновна в напрасных расходах обезьяноресурсов.

Белка плюнула и решила переквалифицироваться в юристы.

* * *

– Христос не женат был, следовательно, брак в Новом Завете не легитимен! Ведь мы должны уподобиться Христу!

Отец Тигрий с интересом посмотрел на интеллигентного вида бабушку, которая настаивала на предпочтительности девства браку.

– Христос и старцем не был, причём сознательно, – парировал монах. – Вы, стало быть, уже в проигрыше.

– Да как вы можете, ведь вы, батюшка, сам в чине ангельском! – воскликнула совопросница.

«В ...», – подумал игумен, а вслух сказал:

– Лет полста назад, возможно, был, а сейчас я просто бородатый поп, которому в юности отказала любовь всей его жизни. А другую я так и не полюбил.

– Тогда вы не монах, а ошибка. С кем я ещё могу на эту тему поговорить тут, в монастыре? – рассердилась старушка.

– С нашими монахами разговаривать не благословляю, – отрезал отец Тигрий. – Поговорите об этом с другими паломницами, кто, как и вы, не поняли жизнь.

* * *

Белке-поэтессе никак не удавалось написать гениальную поэму. Узнав, что у Байрона было четыре гуся, которые ходили за ним повсюду, она поняла, что делало человеческого поэта гениальным.

Подкупив нужное количество гусей, белка стала центром внимания, её популярность возросла настолько, что Павиану пришлось усилить наружное наблюдение за одиозным Клубом шестнадцати.

Поэма так и не была написана, впрочем, на популярности поэтессы это никак не сказалось.

* * *

– Скажите, а у кого можно благословиться на вериги? – спросил молодой мужчина у отца Пью, который мирно сидел на лавочке у епархиального управления и никого не трогал.

– А? – глубокомысленно спросил протопоп.

– У меня постом восстание плоти на жену происходит. Ну чтобы не оскверниться мне, – дополнил вопрошающий.

Пастырь молча продолжал смотреть на подвижника, сохраняя мудрое выражение лица.

– Все беды от тела происходят, а я хотел бы достойно встретить Пасху. Хочу веригами изну-

рять темницу своей души, дабы не с блудниками осудиться. А без благословения подвига не будет, – терпеливо пояснил мужчина.

Отец Пью величественно поднялся с лавочки, властно взмахнул рукавом рясы, покрутил пальцем у виска и пошёл к другой лавочке, подальше.

* * *

На белку-живописца снизошло вдохновение, и она изобразила эпичную сцену похищения белка гигантским летающим орехом. Похищенные радостно левитировали в раскрытое фундучье нутро, остальные толпились в очереди и с надеждой тянули лапки, ожидая неземного блаженства.

Картина по обычаю с утра была вывешена на всеобщее обозрение, а вечером Павиан интересовался у помощников: «Скоро ли уже этот орех прилетит за оппозиционно настроенными белками?»

* * *

Спросили как-то отца Пью о том, куда податься неопиту.

– Да хоть куда, – ответил пастырь. – У нас вся церковь из неопитов состоит.

– А духовного отца-то как выбрать? – не унимались прихожане.

– А никак. Всё равно каждый выбирает себе наставника, руководствуясь только теми заблуждениями, которые дороги его сердцу.

* * *

Ученики подошли к учителю и спросили:

– Учитель, тут один очень образованный протодьякон, но не Кураев, сказал, что не уверен в том, что коронавирус вообще существует.

– Не Кураев? – задумался учитель. – Честно говоря, я не уверен, что автор высказывания на самом деле существует. Может, врут, собаки?

* * *

Узнав от кого-то, что ось Земли сильно наклонена, шестнадцать умных белок догадались, что всему виной полярные медведи.

Свои, бурые медведи решали проблему зуда в спине посредством чесания о деревья. А откуда взяться деревьям в Арктике? Стало быть, трутся о земную ось, вот и погнули сдуру.

Планету нужно было спасти, поэтому отважные белки вторично объявили войну белым медведям, о чём уведомили их письменной декларацией, вывесив листок на поляне.

Лемминги впали в отчаяние, представив последствия, и хотели сброситься со скалы, но передумали и начали строить планы уничтожения военной декларации.

Павиан слабо верил в возможность военных действий на территории доверенного ему леса,

но бесстрашие шестнадцати внушало беспокойство. Поэтому царь отменил штраф в сто орехов для белки-изобретательницы, имея в виду также и тот факт, что она к сборам фундука так и не приступала.

* * *

Отца Пью обступили общественники, интересуюсь, почему он не подписывается в защиту неприкосновенности человеческой жизни с момента зачатия?

– Потому что тогда можно будет рассматривать выкидыш как непредумышленное убийство, – ответил протопоп, – а также потому, что при угрозе жизни женщина сама должна решать, рисковать или нет. Лично я не готов брать на себя такую ответственность.

– Воистину, иезуитский ответ! – изумился один активист. – Мне тут звонили из ада, спрашивали ваш номер.

Общественники возмущённо закивали.

– У вас прямая связь, что ли? – поднял брови отец Пью, дослушал оскорбления и ушёл.

* * *

Отцу Пью однажды сказали, что не во всём стоит ориентироваться на Ветхий Завет. Подумав, тот ответил:

– Мне столько раз в самых разных случаях приходилось слышать эти слова, что, боюсь, от Ветхого Завета вообще не осталось на что ново-заветному человеку ориентироваться.

* * *

«Дайте мне точку опоры – и я переверну мир!»

© Архимед

Такой плакат повесили оппозиционные белки на поляне глубокой ночью.

Утром Павиан, подумав, издал указ: «Отказать Архимеду в просьбе ввиду опасности его предприятия».

* * *

Один бесобязанный человек знал по именам многих бесов. Чтобы избегать их, конечно же. Узнав из интернета, что есть демон по имени Эфон, человек чурался айфонов и не ездил на Афон, ибо созвучно. Команду «На старт!» органически не переносил, так как было похоже на Астарту. Из-за Абаддона не слушал группу «АББА», ради Бегемота не ходил в одноимённый универсам, не доверял маммологам в связи с Маммоной, а молока не пил, боясь Молоха. Вельзевул был причиной боязни человека зевать. Он не был уверен наверняка, существуют ли бесы с именами Айсус, Элджей и Сумсун, поэтому в честь апостола Филиппа купил себе

«Филиппс». А «Хуавэй» просто не уважал по причине неблагозвучия.

Человек мечтал об умной молитве и стяжании Святого Духа, но хитрые бесы маскировали свои имена под что угодно, и у него просто не хватало времени на свою мечту.

* * *

Белки в шутку придумали новую религию и назвали её зорроастризм. Повсюду, где только можно, они оставляли знак Z, царапая кору и камни.

Павиан всполошился и созвал обезьяний совет, который запретил лесным жителям замечать опасный знак.

* * *

Кто-то пустил слух, что отец Тигрий прозорлив. В результате у его кельи образовалась очередь из паломников, желающих узнать волю Божию. На уговоры православные не поддавались, будучи уверены, что самые стойкие узнают всё.

Через пару дней затвора игумен заказал в интернет-магазине шотландскую волынку, которую ему отец экономер передал с едой через маленькое окошко.

Спустя неделю от звуков Scarborough Fair в исполнении неудавшегося прозорливца разбежались даже почитатели экстремального юродства себя ради.

* * *

Собрал Павиан обезьяний совет и поставил перед ним задачу расписать его генеалогическое древо так, чтобы он происходил от самого короля Артура.

– Повелитель! Но ведь историю изменить нельзя! – воскликнули обезьяны.

– А за что я вам тогда плачу? – справедливо заметил самопровозглашённый царь зверей.

* * *

Белки распустили слух, что медузы сделаны из желатина и мороженого. Крокодил сдуру сожрал одну из них и орал так, что солнце выкатилось из его брюха и улетело назад на небосвод.

Пока белки праздновали победу, Павиану пришлось срочно разрешить солнце специальным указом.

Крокодил был ужасно зол на одиозных аристократов, но они сидели на ветвях, держась от него подальше.

Солнце тоже старалось впредь не опускаться низко к воде и теперь вставало и садилось, пользуясь кронами деревьев.

* * *

Молодой человек пожаловался отцу Пью на то, что, имея богатое воображение и хороший

язык, пишет превосходные фантастические рассказы, но никак не может на этом заработать.

– Так это тебе, дорогой, либо в депутаты нужно идти, либо в СМИ. Или как вариант – писать школьные учебники по истории, – не задумываясь ответил протопоп.

* * *

Однажды Павиан задумал покончить с Клубом шестнадцати, уличив их в непочтительном отношении к королевской особе. Для этого он, окружённый обезьяньей гвардией, зашёл к белкам в самый разгар заседания одиозного клуба.

Белки выронили сигары, расплескали виски и засуетились, организуя место, на которое должен был воссесть царь зверей. Для этой цели целых три стула были водружены один на другой, поскольку, как уверяли аристократки, таким образом подчёркивается высота царственной персоны.

Польщённый, Павиан взобрался на эту пирамиду, но вскоре рухнул, ко всеобщему смятению и панике.

– О повелитель! – обратилась к правителю самая рассудительная белка. – В нашей ничтожной обители не нашлось мебели, достойной тебя!

И раздосадованному Павиану не оставалось ничего другого, как уйти несолоно хлебавши.

* * *

Жил да был морской водолаз. Поскольку моря он в глаза не видел, то не особо верил в его существование. Но по городу ходил всегда в скафандре.

Люди почтительно смотрели на него и говорили своим детям:

– Смотрите, быть водолазом – тяжёлый труд. И благоговели.

И только одна маленькая золотая рыбка смотрела на водолаза из аквариума сквозь витрину зоомагазина и качала головой. Она всё понимала, но говорить, увы, не могла.

* * *

Отец Тигрий, пытаясь избавиться от славы прозорливца, закрыл монастырь на двухнедельную самоизоляцию. Паломницы рассудили, что плох тот игумен, что верит в возможность заразиться в храме Божиим, и ореол прозорливости вокруг настоятеля на время угас.

* * *

В ответ на новейшие генеалогические изыскания о происхождении Павиана от короля Артура Клуб шестнадцати разработал теорию о происхождении Пендрагонов от валлийских белок.

Тезисы были представлены на суд лесных жителей, будучи записанными кельтским руническим письмом. Руны подозрительно смахива-

ли на беличьи хвосты, но возразить было нечем, поскольку специалистов не нашлось.

Обезьяний царь смекнул, что на Артуре свет клином не сошёлся, и замыл генеалогическую задумку. Вместо этого Павиан объявил себя вечным отцом лесного народа, сыграв на созвучии слов «Pario» и «папа». И, прослезившись, радовался, что переиграл белок.

* * *

У отца Пью отрубился интернет, и он сдуру впервые за много лет включил телевизор. В ящике молодой дядька в очках допрашивал двух пожилых попов о коронавирусе.

Спустя пару минут протопоп испытал сильнейший испанский стыд и воскликнул, обращаясь к аккуратно выбритому ведущему:

– Отпусти их! Они ж не ведают, что говорят!

Реклама на канале началась с попа помоложе, который попытался поцеловать белого голубя.

– Не целуй! – торопливо воскликнул отец Пью. – Сколько там хламидий!

Словно услышав, голубь вспорхнул до поцелуя, уступив эфир какому-то сердечному препарату.

Позже, держась за сердце, пастырь жаловался на исповеди духовнику:

– Я вижу тупых людей. Они не знают, что тупые, и ходят везде как обычные люди. Я, пожалуй, тоже хочу быть тупым, смотреть телевизор, видеть только то, что хочу, и жить счастливо.

А духовник разводил руками, не зная, что ответить.

* * *

В монастыре праздновали самоизоляцию. Игумен Тигрий объявил неделю келейной молитвы и «Массандры». На закрытых воротах монастыря красовалось объявление для паломников с просьбой временно воздержаться от грехов в связи с пандемией.

Монахи славилы Бога и настоятеля, который заперся в своей келье и, пока никто не видел, щеголял в великой схиме, купленной десять лет назад.

* * *

Однажды, когда звериные грехи, очевидно, переполнили всё, что можно было переполнить, в лес пришёл Медоед.

– Эй, Барсук, ты что, облысел, что ли? – спросили на свою беду волки, проходя мимо.

– Болонкам слова не давали! – отозвался оскорблённый Медоед и кинулся драться.

Придя в себя, облезлые волки пожаловались львам и привели их на следующий день с собой.

– Это что за скунс? – опрометчиво поинтересовались львы.

– Я вам сейчас, кошки драные, рыжие-то патлы пооборву! – злобно пообещал Медоед и обещание своё выполнил.

– Это ты, подлая ящерица, солнышко глота-ла? – задумчиво спросил этим же вечером поцарапанный Медоед Крокодила.

– Они, – подтвердили обезьяны, сидя на ветках.

– Никуда не уходите, – мрачно сказал задира, – вы мне тоже не нравитесь.

– А из тебя, шланг на ножках, – обратился Медоед к недоумевающему Крокодилу, – я сейчас сделаю уробороса.

И сделал. Понаехавшего хулигана не брал яд ни змеиный, ни пчелиный. Орёл лечил клюв, кабаны искали протезиста, обезьяны боялись ходить по земле, медведи заново залегли в спячку, а Павиан уехал в Швейцарию по каким-то очень важным делам.

Тогда белки пригласили Медоеда в гости, угощали виски и сигарами и рассказывали о настоящих свирепых воинах с Севера, закалённых во многих битвах.

Белка-живописец представила портрет белого медведя в сияющих доспехах, а белка-поэтесса декламировала стих собственного сочинения:

*Злой медведь ползёт на берег,
Точит свой кинжал...*

Заинтригованного Медоеда белки утром проводили до границ леса, подарив на прощание золотой компас, указывавший строго на Арктику.

Никто не слышал их разговора, поэтому все решили, что Медоед был изгнан бесстрашными аристократками.

Вернувшийся Павиан сделал вид, что ничего не произошло, но к одиозному клубу старался не цепляться. Так, на всякий случай.

Поскольку в монастыре отключили телефон на время самоизоляции, из епархиального управления прислали гонца.

Гонец долго колотил в монастырские ворота и переговаривался с отцом Платоном, замещавшим сторожа.

– Изыди, бес! – говорил старый монах через дубовую дверь.

– Сам ты бес! – бесился делопроизводитель. – Я архиерейский дьякон!

– А скажи-ка в таком случае: шибболет, – просил отец Платон.

– Какой ещё балет? – разозлился дьякон. – Я владыке пожалуюсь!

– Ты что, шибболет не знаешь? – удивился монах. – Какой же ты дьякон? Ты ведь даже в семинарии не учился.

– Я Загорскую академию закончил! – бушевал делопроизводитель.

– «Окончил» – ты хотел сказать. Да врешь ты всё, бесовска морда! Наши дьяконы-академисты Библию читали, а ты – нет. Сгинь, нечистая сила! Тьфу на тебя! – осерчал отец Платон, развернулся и ушёл восвояси.

Отец Пью зашёл в магазин за кальянным табакком. Впереди стоял парень в спортивной одежде и долго выбирал уголь.

– А мельче кубиков нет, – сказал продавец. – Вы кальян курите на фольге или на калауде?

– Какой ещё кальян?! – возмутился юноша. – Это для кадила в церковь!

«Блин», – подумал протопоп.

Парень отошёл в сторону, но, заметив отца Пью, из магазина не ушёл, а стоял и смотрел, как тот покупает табак.

– Вы же батюшка! – с вызовом сказал он.

– Да, – ответил священник.

– А как вы можете курить табак? Какой же вы тогда батюшка? – играя желваками, сердился молодой человек.

Продавец, приоткрыв рот, смотрел на неожиданное шоу.

– А нельзя разве? – спросил отец Пью.

– Не понял. В смысле? – опешил парень.

– Я нарушаю какую-то заповедь, церковное правило, пункт ставленнической грамоты, завет Ильича?

– Не, ну как? Церковь же запрещает. Курить – бесам кадить, – растерялся юноша.

– Ага. Кто пьёт чай – тот спасения не чай. А кто ест лук – Богородице не друг, – отозвался отец Пью. – Ты завтра в это же время занят?

– Ну нет, – прикинул парнишка.

– Ну вот тебе задание до завтра. Найдёшь авторитетный источник, где сказано, что мне, православному попу, нельзя курить, приходи сюда же, – сказал пастырь и ушёл домой.

На следующий день парня в магазине не оказалось.

– Я, кстати, тоже ничего не нашёл, – сказал продавец, – весь интернет перерыл. А почему тогда говорят, что это грех?

– Не знаю. Я не говорю, – пожал плечами отец Пью. – Возможно, потому, что из попов я самый худший.

* * *

– Учитель, в чём смысл карантинных мер в храмах, если никто не стерилизует поручни в общественном транспорте? – спросили ученики своего наставника.

– Смысл в том, чтобы государство великодушно оставило храмы открытыми, – ответил учитель. – Ведь сейчас весьма удобно воспользоваться фактом, что в храм регулярно ходит лишь полпроцента населения.

– Но в чём связь? – не поняли ученики.

– В том, что полпроцента – это не сила, – сказал учитель и углубился в какие-то свои думы.

* * *

В день, когда в семинарии было объявлено о переходе на «удалёнку», студенты самым волшебным образом «накидались» и курили за территорией, собравшись в небольшие группы. Дежпом, которого проректор по воспитательной работе всегда ставил в самые трудные дни, пытался урезонить молодых людей.

Молодые же люди, сговорившись, зачем-то предлагали ему пойти умыться в купальне Силоам, загадочно улыбаясь.

Дядя Фёдор, пуская клубы дыма, устроил диспут о связи курения с раком. Ему оппонировал дядя Миша, загрузив статистику онкологических заболеваний по странам мира. По данным ВОЗ выходило, что Куба занимает почётное сорок седьмое место. Спорили до хрипоты, пока не вспомнили, что кубинцы не курят сигареты и практически не вдыхают выхлопные газы. На этом спор был окончен за недостатком данных.

* * *

Однажды Павиан узнал об идее делать золото из свинца и понял, что это его шанс стать царём не только всех зверей на планете, но даже и людей.

Был издан высочайший указ, суливший тому, кто осуществит древнюю идею, достойную пенсию и налоговые каникулы.

Белка-химик, раздобыв где-то реактивы и пробирки, взялась за работу. Спустя неделю, забыв о золоте и награде, она с увлечением рассказывала подругам о свойстве таллия, соседа свинца по периодической таблице, замещать своими одновалентными ионами калий в клетках живого организма.

– Ну, скажем, к примеру, обезьяньего! – воскликнула белка, отчего секретная сотрудница обезьяньего сыска чуть не свалилась с дерева.

– А потом просто праздник какой-то, – продолжала влюблённая в биохимию аристократка. – Представьте: блокируется натрий-калие-

вый АТФазный насос, повреждаются структурные белки, а это в свою очередь вызывает функциональные нарушения нервной системы. Бах – и смерть! Полграмма всего-то. Солевой раствор всасывается через кожу как орех разгрызть! И это я ещё не поняла про его связь с апоптозом...

Белка ещё не закончила свой рассказ, а Павиан в это время уже переносил свою резиденцию на вершину неприступной скалы, проклиная последними словами алхимию, биохимию, белки и бёлок.

* * *

В связи с коронавирусом на подходах к собору дежурило два пикета: один из людей светских, другой из верующих. Ключарь был облит зелёной дважды: первый раз за то, что церковь не самоизолировалась и является рассадником вируса и прочей заразы, а второй раз – за осквернение святыни изопропанолом и одноразовыми ложечками. Злой как собака, он позвонил в полицию и попросил разобраться с «несанкционированными сборищами».

Следом в алтарь зашёл отец Пью без малейших следов зелёнки. В руке он держал здоровенный газовый ключ.

– Кран протекает в туалете у детей, – ответил он на недоумённый взгляд ключаря. – Вот принёс из дома, подремонтирую после службы.

* * *

Одиозный беличий клуб на очередном заседании выработал положение о создании независимого СМИ «Лесной источник добрых новостей».

Первый экземпляр новостной ленты был представлен широкой публике на полянке в виде листа бумаги со следующим текстом:

«Внимание! Экстренное сообщение!

За прошедшие сутки:

Ни одна обезьяна не совершила ни одного преступления против лесного сообщества!

Наш августейший государь никого не казнил!

Ни один чиновник не украл ни одного ореха!

Крокодил не проглотил ни одного небесного светила или планеты!

Ни один лесной житель не дал ни единой взятки!

Читайте и не говорите, что не видели!»

Павиан собрал внеочередное совещание, но повода запретить беличье СМИ так и не нашлось.

* * *

Поскольку по суше в монастырь проникнуть не удалось, отец делопроизводитель призвал в клеветы благочинного и одного сельского попа на ка-

тере. Решено было пришвартоваться к пристани, ворваться в обитель и устроить игумену головоломку. одного не учли: отец Платон укрепил на причале длинную арматуру, и теперь он был похож на ежа, грозя поцарапать борт судёнышка.

– Что там за высадка в Нормандии? – спросил отец Тигрий у эконома, услышав шум и обрывки нецензурной брани со стороны речки.

Тот, взяв с собой отца Платона, сходил посмотреть, как дьякон-академист пытается накинуть швартовы на железные прутки, словно ласо. Деревенский поп ржал, а благочинный сиротливо жался к кабине. Берег был крутой и скользкий от растаявшего снега.

Сочувственно поцокав языком, отец эконом отправил старого монаха за «Массандрой» и, вернувшись, доложил настоятелю:

– Суета сует. Нищета и собаки.

* * *

Случился как-то раз между отцом Пью и неким меценатом спор на тему роли Церкви в истории государства Российского.

– А история свидетельствует об обратном! – горячился антиклерикально настроенный бизнесмен.

– Что есть история в свете разных интерпретаций? – спросил протопоп. – Иезекиилева блудница, раскидывающая ноги перед всяким, кто платит дорожке. Продажная девка буржуазии. Всего лишь перхоть планеты, перемещаемая с места на место ветром. Видели ли вы смерчи? Они способны смешать с пылью канзасских лягушек и бычьих фекалии, затем раскрутить в причудливом вихре и пролить дождём в Изумрудном городе, составляя мнение жевунов о ценностях человеческого мира. Это прах, изменяющий цвет одежды в Голубой стране на серый, отчего вы будете недоумевать: что же на самом деле дало название всей местности? Уж не гендерные ли девиации? Фальшивая монета оруэлловского мира, новое платье андерсеновского короля, шапка-невидимка для любого скотства, пыль тысячелетий, пускаемая в глаза...

Меценат сглотнул и тихо спросил:

– Что там было нужно для твоего детского дома?

– Матрацы хочу поменять детям. Слишком жёсткие, – ответил отец Пью.

– Так бы сразу и сказал, – почесал в затылке бизнесмен. – А то фекалии, девиации...

* * *

Однажды над лесом появилась большая хвостатая комета, приведшая всех в замешательство.

Лемминги увидели в этом знамение грядущих бед и начали паниковать.

Львы стали осторожно поговаривать о возможной смене власти. Ну как смене? Не то чтобы они были готовы сменить власть. Но ведь она может как-то сама собой поменяться, правда?

Обезьяны с подачи Павиана пошли науськивать Крокодила, чтобы он ту комету проглотил, но тот ещё не отошёл от знакомства с Медоедом и хорошо помнил вкус собственного хвоста в пасти.

Птицы отнеслись к комете крайне недоверчиво и на всякий случай облетали её стороной.

Сильный ветер порой как следует раскачивал комету, и многие боялись, что она рухнет и передавит всех обитателей леса.

Белки же сделали вывод, что большинство лесных жителей не готово к высокому искусству, и ночью демонтировали инсталляцию.

* * *

Раздражённый открытыми храмами в дни карантина, нотариус, заверяя для отца Пью доверенность, не удержался и заметил вслух, что Церковь ведёт себя некорректно.

Выслушав, что Бог не в брёвнах, а в рёбрах, протопоп промолчал. Упрёки в завышенных ценах на требы пропустил мимо ушей. На требование прекратить наживать на сиротах ответил повышенным вниманием к пейзажу за окном.

– Народное терпение не бесконечно, помяните моё слово, – посмотрел нотариус на попа поверх очков. – Придёт время – и вас снова начнут ставить к стенке, как сто лет назад.

– Сто лет назад попов расстреливали вместе с адвокатами и нотариусами, – откликнулся отец Пью. – Так что там с моей доверенностью? Не терпится, знаете ли, уже нажать на сиротах.

* * *

Невыспавшийся отец Пью выслушивал дьякона, который желал низвести на Соединённые Штаты Америки огонь с небес, причём не силой Божией, а вовсе даже и сатаны, вернее межконтинентальной баллистической ракеты типа Р-36М. Он жаждал отомстить американцам «за всё».

– Странно слышать это от человека, который за каждой литургией молится за США, – зевнул протопоп.

Дьякон от неожиданности подпрыгнул:

– Это кто молится?

– Ну как же? «О граде сем, всяком граде, стране...» Забыл? – кивнул отец Пью на служебник. – Стало быть, и об Америке тоже молишься.

– Да это про нашу страну! – воспротивился дьякон.

– Э, нет, брат, о богохранимой стране нашей ты молишься аккуратно на предыдущем прощении. Так что уж либо орать носи, либо папаху, – резюмировал пастырь и пошёл домой, оставив сослужителя в растрёпанных чувствах.

* * *

Отец Тигрий прогуливался по двору монастыря, когда к закрытым воротам пришли паломники и стали шуметь, требуя настоятеля.

Узнав, что люди хотят разъяснений по поводу афонского помазывания дверных косяков оливковым маслом, игумен сказал:

– А, ну так это неправильный перевод с греческого. Петли надо смазывать, чтоб не скрипели, и голову, чтоб думала лучше.

И продолжил свой моцион.

* * *

На выходе из грузинского магазинчика отец Пью столкнулся с проходящей мимо свечницей, которая попыталась заглянуть в его пакет.

– Ой, батюшка, что-то прикупили себе? – приветливо заулыбалась бабушка. – Грузинское то вино дорогое нонче.

– Да вот окры взял, нажарю сегодня, – сказал священник, пытаясь обогнуть её.

– Окры? Это что за зверь такой? – удивилась свечница.

– Изначально африканский, – ответил отец Пью и раскланялся.

А на следующий день архиерей уже читал донос на директора епархиального детского дома, что он в пост ест мясо окры.

Пригласив к себе в кабинет делопроизводителя, владыка осведомился, читает ли он то, что *ложит* архиерею на стол. Услышав положительный ответ, епископ спросил, с какой целью он дал ему жалобу на отца Пью.

– Ну как? Вот написано же, что в пост мясо ест, – неуверенно ответил дьякон.

– Ещё раз увижу подобное на своём столе – рассержусь, – предупредил владыка. – Ты хоть гуглил, что за окра такая?

– Никак нет, – ответил отец Пётр и вышел, поклонившись.

А спустя пару минут в приёмной из-за монитора отца делопроизводителя донеслись приглушённые ругательства.

* * *

Белка-поэтесса, желая большей известности, приобрела себе стильный шарф и шляпу для задумчивых прогулок вдоль ручья. А поскольку в лесу так больше никто не одевался, белка вскоре стала самой популярной.

* * *

Отцу Пью подарили постовое греческое облатчение, и, освятив, он служил в нём утреню. А после службы к нему подошёл суровый прихожанин и выразил свою скорбь о том, что русские попы в Русской же церкви возлюбили всё греческое, не радея об исконном, родном.

– Ох, и не говори, Алексей, – покачал головой протопоп, – но у меня хотя бы имя еврейское, а у тебя как раз таки греческое.

* * *

Одна белка в качестве социального эксперимента покрасила левое ухо белой краской и так расхаживала по лесу. Всех вопрошающих о том, почему у неё белое ухо, она вносила в специальный блокнот и отвечала неизменно одно и то же:

– Чтоб дураки спрашивали.

* * *

– Что самое трудное для русского священника? – спросили ученики наставника.

Тот, подумав, ответил:

– Не охаметь.

– Но почему? – удивились ученики.

– Потому что наш народ доверчив к сволочи и любит хамов, воспитанность же и доброту принимает за слабость. На такой питательной среде всякая плесень и растёт, вытесняя всё хорошее, – пояснил учитель.

* * *

Однажды Павиан решил выяснить величину своих владений. Но поскольку устраивать замеры он счёл слишком утомительным, то объявил, что щедро наградит того, кто придумает самый эффективный способ.

Тогда белка-изобретательница заявила, что нужно собрать всю паутину в лесу. Царь зверей отдал приказ, и все обезьяны кинулись исполнять повеление. Спустя несколько дней большой моток паутины красовался на поляне. Павиан призвал белку и при всех лесных жителях поинтересовался, что делать дальше.

Белка чиркнула зажигалкой, и паутина мигом сгорела.

– Ну и каковы же размеры моих владений? – спросил повелитель.

– Да я, собственно, без понятия, – отвечала белка, – но зато теперь в лесу стало чуточку чище.

* * *

Отец Пью, причастив на дому пожилых супругов со всеми признаками респираторной инфекции, сообщил на кассе собора, что по следующим адресам он уже не поедет.

* * *

– Ну и что это значит? – спросила суровая к алкоголикам регистраторша.

– Это значит, что я не понесу инфекцию дальше, – ответил протопоп.

– А кто тебя благословил? – вспыхнула женщина.

– Простите, владыка, не узнал вас, – смиренно наклонил отец Пью голову, снял с себя епитрахиль, ловко набросил её на регистраторшу и под громкие угрозы пожаловаться архиерею ушёл домой самоизолироваться.

* * *

– Скажите, а вам открыто будущее? – спросил новоназначенный ученик учителя.

– Ну ещё бы! А ты как думал? Завтра будет среда, а послезавтра... дай секунду... четверг! – ответил учитель и воздал хвалу Богу.

* * *

Белка-живописец устроила выставку портретов. Пришли также и волки, осмотрели работы и, как санитары леса, заявили, что звери на её картинах вызывают большие сомнения с точки зрения анатомии.

– Тем не менее мои работы будут жить значительно дольше, чем ваши так называемые пациенты, – парировала белка.

* * *

Один священник часто высмеивал привязанность старушек к дачам, от которой они выпадали из церковной жизни на целое лето.

– Не причащаться целое лето! Как же можно называться христианами после такого? – возмущался он.

И вот, после того как его жену отправили в отпуск без сохранения зарплаты, семейный бюджет затрещал по швам. Все деньги уходили на коммуналку и кредиты, а на еду уже не оставалось ничего.

Тогда сердобольные старушки стали приносить ему овощи и соленья прямо домой, поскольку ходить в храмы им не рекомендовалось по примеру Марии Египетской.

Пересмотрев приоритеты, батюшка навсегда зарёкся обижать прихожан и говорить не по-думав.

* * *

Одиозные белки построили эбонитовую горку на опушке, которая моментально стала популярной. Все звери катались и прославляли великодушных аристократок.

А белки теперь сидели в своём штабе при свете лампочек и прославляли конденсаторы и статическое электричество.

Отец Тигрий проснулся в холодном поту. Ему приснился Понтий Пилат, укоряющий Христа за нарушение самоизоляции.

Встав с кровати, он взмолился:

– Господи, хорошо нам тут было! Как на Фаворе.

После чего поднял монахов на совет.

Отец эконоом почесал бороду и сказал:

– Белорусы-то вон чего, и им ничего. Ну а мы чего?

– Златоуст! – прослезился игумен. – Есть возражения по этому поводу?

Монахи помотали головами.

– Ну так тому и быть, а то чего мы? – решил отец Тигрий, а наутро открыл монастырь и расчехлил волынку.

* * *

Однажды в лесу перессорились все птицы, споря, каким концом кверху должны лежать яйца в гнезде: тупым или острым. Дело почти дошло до драки, как вмешались белки.

– Сдайте все ваши яйца нам, и мы установим истину, – заявила белка-изобретательница, занимавшаяся юридической практикой.

Птицы подумали и сделали как было сказано. Спустя несколько дней они прилетели к белкиному штабу за ответами.

– Что сказать? Яичница оказалась одинаково превосходной из тех и других яиц, – резюмировала изобретательница. – Абсолютно никакой разницы!

Птицы задумались и более никаких споров не устраивали.

* * *

Один поп умел играть в домостроевского мужа и виртуозно управлял своей попадѐй с первого дня свадьбы: брюки не носи, губы не крась, в институте не учишься, в соцсетях не регистрируйся, вина не пей, о подружках забудь, рожай побольше и выгляди уже как настоящая матушка, а не как проститутка. И всё-то она была дура, и всё-то она делала неправильно. Да кабы не батюшка, утонуть ей в грехах всенепременно. Бить, правда, не бил, поскольку побаивался отца Пью – известного противника домашнего насилия.

А попадья та возьми да и уйди от супруга.

Прознала тогда вся епархия, что она маловеселющая истеричка и вообще гулящая женщина. Прибежала бывшая матушка к отцу Пью на исповедь. Плачет, мол, репутация испорчена на веки вечные, муж платить алименты отказывается.

– Начнёшь оправдываться – не поверит никто. Не трать ни нервов, ни времени. Люди верят

23

во что хотяя. А вот деньгами я тебе буду помогать по мере сил, я ведь один живу, – ответил протопоп.

Распустил тогда поборник ежовых рукавиц слух, что бывшая его с попом-пьяницей спуталась, да и подал жалобу в церковный суд.

Председатель отец Тигрий ознакомился с делом, привёл отца Пью к клятве на Евангелии о невинности и обратился к истцу:

– Не Павел ли говорит: «Кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией»? Коли Бог ума не дал, не выдавай себя, служи тихо и смиренно, не то заколдую.

– В каком смысле «заколдую»? – не понял поп.

– Был иерей, станешь брадобрей, – пояснил отец Тигрий и закрыл дело за отсутствием доказательств.

* * *

Перед епархиальным собранием, пока ждали владыку, секретарь огласил две проблемы. Во-первых, имеется слух, что где-то завелась православная секта, во главе которой находится какой-то учёный поп. Следовательно, под подозрением каждый, кто умеет читать не по слогам. Во-вторых, кто-то время от времени пишет на Ахиллу, Кураеву и дедушке Калаказо, поэтому хорошо бы вычислить крота.

О первой проблеме моментально позабыли и принялись обсуждать, кто бы это мог быть. Руководитель клуба трезвости толкнул в плечо семинарского преподавателя, задумчиво читавшего «Советский спорт», и с ухмылкой спросил:

– Не ты ли, равви?

– Ты, – кивнул отец Тимофей, не отрываясь от чтения.

Поп испуганно заозирался и пересел подалее.

* * *

На епархиальном собрании архиерей, помимо прочего, объявил об отмене фиксированного налога на содержание епархии и закрыл оба монастыря для прихожан.

На вопрос отца Тигрия пояснил:

– Вы, батюшка, закрывались хоть и самочинно, но правильно. Большинство монахов – старики. А сейчас исполняйте моё благословение.

Вещий поп, встав с места, завёл разговор о том, что если даже верующий что смертное испиет, не вредит ему. Следовательно, нет нужды принимать защитные меры.

Тогда владыка повелел ему возложить руки на хромого епархиального бухгалтера, дабы он был здрав.

– Ну вот видите, не такой уж вы, батенька, и верующий, чтобы нам такие духовные советы давать, – сказал епископ. – Сядьте и помолчите. А я в свою очередь обращаюсь к властям с просьбой отсрочить коммунальные платежи по приходам и в семинарии. Время нехорошее, давайте уважительно относиться к здоровью друг друга и наших прихожан.

* * *

Павиан издал указ, чтобы в его присутствии все представители семейства кошачьих прятали когти. Гепарды огорчились, поскольку не обладали способностью втягивать когти, на что им было рекомендовано покинуть лес.

Узнав об этом, белка-философ заметила:

– Почему бы нашему повелителю не научиться прятать свой красный зад в присутствии быков?

* * *

– Почему христиане так нетерпимы друг к другу, выискивая в ближних недостатки? – спросили учителя ученики.

– Это всё потому, что ничто так не обесценивает нашу праведность, как праведность ближнего, – ответил учитель.

* * *

Узнав о слухе, что фазанов трудно ранить, Павиан решил, что их перья можно использовать в качестве бронжилета, для чего он издал специальный указ о добровольной сдаче оперения во имя государственных интересов.

Это постановление вызвало среди лесных обитателей определённое замешательство. Волки стали обсуждать, насколько легитимным будет съедать каждого фазана, не сдавшего перья добровольно. Сами фазаны задумались об эмиграции. Остальные птицы в связи с этим повесили на грудь таблички с надписью: «Я не фазан». А лемминги в панике просто начали бегать кругами.

Белка-психолог, подумав, саркастически заметила:

– А ведь Павиана что-то гложет, но вот что?

Другие белки не нашлись что ответить и просто разводили лапками.

* * *

Отца Пью спросили, зачем он собирает и хранит большую коллекцию еретической литературы, вместо того чтобы её сжечь, ведь, как известно, ереси опасны.

– Жечь книги и опровергать их далеко не одно и то же, – ответил протопоп.

* * *

Белка-поэтесса в шарфе, шляпке и в сопровождении двух гусей прогуливалась по лесу

27

и увидела на ветке дерева ворону. В клюве у неё был кусок сыра.

Остановившись, белка воскликнула:

*Нет, не тебя так пылко я люблю!
Не для меня такое оперенье!
Люблю лишь виски, табака куренье,
А перья я доставлю королю!*

– Да не фазан я, отстань! – каркнула ворона и обронила сыр, ставший добычей гусей.

Одна прихожанка постоянно осуждала окружающих за разврат. А развратничали, по её мнению, многие. Кто делами, кто мысленно, а кто внешним видом.

– Я так понимаю, разврат – это всё то, что обошлось без вашего участия? – дружелюбно спросил отец Пью, заслужив гневный взгляд и славу главного развратника епархии.

Павиан разделил лес на четыре региона: птичий, водный, наземный и подземный, чтобы каждым из них управлял всенародно избранный представитель царской власти. И устроил выборы, само собой.

Придя на выборы, лесные обитатели лице-зрели четыре шеренги обезьян и стояли в недоумении, кого выбрать.

И только белки радостно скакали вдоль кандидатов наземного региона, вглядываясь в их одухотворённые морды.

– Чему вы так радуетесь? – спросили их.

– Радуюсь, что только одна из уважаемых обезьян победит, – был ответ.

Одному новонаначальному монаху однажды пришёл помысел, что он победил свои страсти. Лицо его так просветлело, что отец Тигрий зажмурился и послал того насельника за хворостом через речку.

– А вёсла? – спросил монах.

– Так ты пешком иди, тут недалеко, – посоветовал игумен.

– Так тут же брода нет, да и холодно, – недоумевал чернец.

– Да ты прям по воде, брат, ступай, – махнул рукой настоятель. – Вода – она же только грех топит, как при Ное. Ты и ботинок не намочишь.

Посмотрел брат на быстрое течение – тут-то его помысел и прошёл.

Отец Пью не ходил на выборы, не поддерживал разговоры о политике, не считал правыми

ни белых, ни красных и не знал фамилий членов правительств.

На недоумённые вопросы он неизменно отвечал, что все правящие партии и всех правителей планеты объединяет главное: они тратят деньги налогоплательщиков по своему усмотрению.

Узнав о рибосомных белках от учёной подруги, пятнадцать одиозных белок, напившись виски, устроили гонки на сомах, заставив Павиана в свою очередь пить валерьянку.

Женщина гламурного вида жаловалась отцу Пью на бывшего мужа – скотину и неплательщика алиментов. Сразу после развода она сообщила в налоговую о нарушениях в делах благоверного, предъявив некоторые бумаги. А уже после того, как бизнес бывшего мужа был прикрыт, а на него самого было заведено дело об административной ответственности, подала на алименты. Внезапно оказалось, что размер выплат не соответствует ожиданиям, поскольку платить стало особо не с чего.

– Сказано же: «Не пей из колодца, в который плюёшь», – задумчиво произнёс отец Пью.

Птицы после победы одной из обезьян на выборах спросили белок:

– Как может обезьяна представлять наши интересы, если она даже летать не умеет?

– Как бы то ни было, теперь ни одной птице не забраться так высоко, как ни старайся, – мудро заметили белки.

– Мы знаем, что Бог благ. Почему же вокруг столько несчастных людей? – спросили ученики учителя.

– Проблема в том, – ответил учитель, – что, получая от Бога жизнь в подарок, большинство его так и не разворачивает.

Однажды медведь-пасечник нечаянно сел на улей, и тысячи неправильных пчёл полетели выражать своё недовольство правым и виноватым. В связи со сложившейся ситуацией Павиан запретил «Лесной источник добрых новостей» во избежание паники и возможного распространения ложной информации.

В ответ белки на скале, где жил царь зверей, плавиковой кислотой за неделю вытравили надпись, ставшую впоследствии крылатой:

«Лучший способ борьбы со свободой слова – набитые рты подданных».

25

* * *

Один настоятель очень уважал чиновников, усматривая в них аватаров сверхъестественного присутствия на Земле. Часто советовался с ними по любому поводу, поскольку те обладали большим опытом по управлению народом Божиим. Обсуждал со слугами народа других попов, которые разочаровывали своей несознательностью. Построил с помощью столоначальников доходную часовню в выгодном месте.

А вот собратьев своих, священников, недолюбливал. Городских – как конкурентов, деревенских – как потенциальных попрошаек.

Когда чиновники стали закрывать храмы, активно сотрудничал с ними во имя общего дела чрезвычайной важности.

И вот приснился настоятелю сон, что проверяющие нашли у него на службе постороннюю бабушку, невесть как пробравшуюся туда. Присудили штраф в триста тысяч частично конвертируемой валюты, а храм закрыли. Светские начальники внезапно перестали отвечать на звонки. Обратился настоятель к собратьям, мол, помогите с мира по нитке на штраф, а те лишь руками разводят, поскольку без прихожан нет и доходов.

Вспомнил о Боге, упал на колени перед Голгофой и взмолился:

– Помоги, Господи!

И вот не то с небес, не то ещё откуда раздался голос:

– Что, отче, помогли тебе твои ляхи?

Заметался несчастный поп и проснулся. Пришёл в себя и стал обзванивать известных ему чиновников.

– Успокойся, батюшка, – отвечали начальники, – ничего плохого не случится с тобой, ведь мы команда.

И батюшка воспрял духом, ибо сказано: «Надейся на князей и на сынов человеческих, в них же есть спасение».

* * *

Белок однажды спросили, почему они так часто спорят между собой, тогда как между обезьянами всегда царит согласие.

– Всё дело в том, – отвечала одна из аристократок, – что у глупых мысли всегда сходятся, а у умных – нет.

* * *

– Меня постоянно все поучают, и это реально бесит, – пожаловался новорукоположенный священник отцу Пью.

Подумав, тот ответил:

– Могу предложить два варианта: первый – начинаешь сам всех поучать и, соответственно,

бесить, второй – улыбаться и мысленно махать в ответ.

– Как пингины из «Мадагаскара»? – уточнил ставленник.

– Как пингины из «Мадагаскара», – подтвердил отец Пью.

* * *

Поев мухомора, Павиан завёл с зеркалом светскую беседу:

– Видите ли, коллега, лишь стоит дать поданным свободу, как они тотчас захотят равенства и братства. А там не успеешь оглянуться, как чернь отнимет у вас всё остальное.

Помявшись, он добавил:

– Так к чему это я? Пчёлы! Нас спасут только пчёлы. Осталось лишь придумать, как сделать так, чтобы они жалили кого надо, а не как сейчас. Например, белок. Давно уже пора устроить им молчание ягнят в тряпочку. Эх, власть – тяжёлое бремя, которое легче нести лишь в одиночку!

* * *

Однажды у белок спросили, почему они не желают устроить революцию, коль скоро они недолюбливают Павиана.

– Все революционеры – бандиты и террористы, а чумой холеру не вылечить, знаете ли, – мудро заметили белки.

* * *

У отца Пью спросили, почему расплодилось такое количество сект, да и среди православных немало псевдостарцев с поклонниками.

– Кого только не сделаешь богом, лишь бы самому выбиться в апостолы, – ответил протопоп.

* * *

«В лесу две беды: обезьяны и их количество», – любили говорить белки.

* * *

– Церковь говорит о торжестве православия, а давеча один батюшка с амвона такую непроходимую ересь нёс! – упрекнул отца Пью семинарист дядя Миша.

– Возможности медицины тоже, знаешь ли, резко ограничиваются конкретным врачом, – ответил пастырь. – Озаботься, брат, тем, чтобы самому православие не позорить ни с амвона, ни из замочных скважин.

* * *

Павиан собрал обезьян и приказал выяснить, что о нём думают подданные. Обезьяны же, не будь дурами, в свою очередь собрали овец и баранов, произвели опрос общественного бления и бодро отчитались о стопроцентной лояльности вожаку.

* * *

Одна женщина, выйдя на пенсию, уверовала в Бога и стала ходить в кафедральный собор. Прочитав несколько книжек духовного содержания, она развернула широкую деятельность по поучению других прихожан в области нравственности. К вящему неудовольствию поучаемых, конечно же.

– Внезапно проснувшаяся совесть вовсе не повод учить других морали, – как-то раз сказал ей отец Пью, мгновенно превратившись из «нормального батюшки» в «волка в пастушьей накидке».

* * *

Глядя на выходы царя зверей, белки заметили:

– Если звери эмигрируют из леса в результате такой блестящей политики, Павиан рискует стать царём одних лишь обезьян.

* * *

Выслушав жалобы незамужней прихожанки на мужиков-козлов вместо принцев, отец Пью заметил:

– Видишь ли, моя хорошая, в сказке принц достался Золушке, а не кому-то ещё в королевстве. Может, стоит попробовать сперва стать Золушкой? От такой девушки ведь ни один принц не откажется по доброй воле.

* * *

Однажды Павиан провозгласил в лесу свободу слова. Белки, хоть и знали это слово, тем не менее произносить его вслух не стали, потому что были очень воспитанными.

* * *

Один неопит однажды прозрел и увидел, что нет праведника, ни одного. Это чуть было не разбило ему сердце, но он вовремя вспомнил «Матрицу» и твёрдо решил принять синюю таблетку.

После чего уволился с должности приходского катехизатора и ушёл трудиться на канал «Спас». А что было дальше, неизвестно.

* * *

Однажды обезьяна, избранная представлять царскую власть у зверей, навестила беличий аристократический клуб и поинтересовалась, почему те не восхваляют, подобно прочим, всенародную избранницу и тем самым проявляют неуважение к высшей власти.

– Не подразумевая никакого неуважения, мы просто копим добрые слова на хорошую эпитафию, – ответила за всех белка-поэтесса. – Поверь, эту поэму будут разучивать наизусть.

Недовольная обезьяна, выйдя от белок, с горечью произнесла:

– Аристократия – это белая кость в горле общества.

* * *

Архиерей сидел в кабинете и читал ответ на своё обращение к губернатору по поводу отсрочки коммунальных платежей для прихожан, которые в связи с запретом на посещение прихожанами церковных служб испытывали нужду.

Налоги на содержание епархии были отменены, социальная работа оказалась свёрнутой, но настоятели всё равно докладывали, что из долговой ямы им не выбраться. Оно и понятно: обычно на пожертвования с Пасхи и Радоницы приходы едва дотягивали до окончания дачного сезона, уходя в сентябре в минус, теперь же минус образовался уже в апреле.

И вот ответ стыдливо лежит на письменном столе. Власти предлагали приходам разбираться с поставщиками коммунальных услуг в индивидуальном порядке.

– Иными словами, идите на фиг, – подытожил епископ. Погладив дымчатого кота, недовольно покосившегося на хозяина, он с горечью запел: – Жаль, подмога не пришла, подкрепление не прислали...

Кот зашипел и ударил лапой, целя владыке в бороду, но промахнулся и сбежал.

* * *

27

Глядя, как лемминги жалко копошатся среди корней деревьев, выискивая жуков, Павиан воскликнул:

– Моё величие только такими ничтожествами и уравнивается!

На это белки заметили:

– Большие дела творятся трудами маленьких зверей, а меньшинство ничтожеств оказывается иногда подавляющим.

* * *

Женщина жаловалась отцу Пью на мужа. Выслушав длинный перечень её претензий к благоверному, протопоп посоветовал определиться, хочет ли она с ним продолжать жить, и, если хочет, стоит готовить себя к компромиссам, поскольку изменить другого человека невозможно. Да и вообще, неплохо было бы устраивать конструктивные диалоги.

– Диалогов у нас хватает, – отрезала женщина.

– Два монолога ещё не диалог, а лишь способ самоутверждения, – заметил отец Пью. – Чтобы понять позицию ближнего, нужно любить его и Христа, который за него распялся.

Прихожанка не удовольствовалась таким ответом и сказала:

– Не будь вы таким противным, люди бы к вам тянулись.

После чего ушла с гордо поднятой головой.

– Чего ко мне тянуться? Я грешный поп, а не Христос, – пробормотал пастырь, глядя ей вслед.

По заданию свыше обезьяна, представляющая интересы Павиана, посетила белок, чтобы предложить им карьерный рост в обмен на лояльность.

– Чем мельче зверь, тем крупнее его амбиции, мы же ни на что не претендуем, – сказали белки.

– «Белка», конечно, звучит гордо, но «обезьяна» – перспективно, – обиделась сановная обезьяна.

– Ироды! Безбожники! Лишить людей храма и причастия! – ругалась одна почтенная тётушка на кассе храма.

– Ой, ну подумай, разок не причастится кто-то, – не подумав, сказал дьякон Дионисий, проходя мимо. – Вон ещё сколько литургий в году!

– Тебе-то, может, и ничего, а я, может, дорожу причастием в отличие от тебя! – возмутилась женщина.

– Что-то я вас ни разу в храме летом не видел. Года три, сколько служу, кажется. Болеете, наверное, в дачный период? – участливо осведомился дьякон.

– Ох и огрела бы я тебя сумкой, не будь ты священнослужитель! Да как тебя до алтаря допустили-то? – разбушевалась прихожанка.

И пришлось тут бедному дьякону спастись позорным бегством.

Павиан провёл ревизию съедобных запасов и пришёл к выводу, что в лесу кто-то ворует. Создав верховный обезьяний суд, он объявил, что всякого лесного жителя ждут весы правосудия и горе тому, кто, будучи взвешенным, будет найден лёгким!

Поразмыслив, белки изрекли:

– Коль скоро созданы весы правосудия, стало быть, имеются в наличии и соответствующие продавцы.

Отец Пью уговаривал легкомысленно одетую девушку избрать на будущее чуть более целомудренную одежду для посещения храма.

– Пожалейте неженатых мужчин, им же нелегко будет сосредоточиться на молитве, ради которой они сюда обычно приходят.

– Между прочим, именно красота спасёт мир, особенно женская, – заявила девица.

– Расскажите это Гомеру, и он, возможно, перепишет «Илиаду», – ответил отец Пью. – А пока что мир спасает наличие у десяти стран ядерного оружия.

Ученики, приступив к учителю, помялись и предположили, что в стране отсутствует свобода слова.

– Неверное предположение, – сказал учитель. – К тому же одна из самых популярных телепередач у нас как раз называется «Пусть говорят». Если вам есть что сказать, милости прошу туда.

Один алтарник очень уважал Советский Союз и его вождей. Поговаривали даже, что вместе с нательным крестом он носит на груди образок Сталина. Его крепкую руку он почитал наравне с десницей Иоанна Крестителя. Посмотрев, как полицейские с волонтерами не пускают в собор плачущих бабушек на Пасху, он возмутился духом и в сердцах высказался обо всём этом в не-свойственных ему обценных выражениях.

Отец Пью заинтересованно поглядел на пономаря и сказал:

– Добро пожаловать в Советский Союз, брате! Любитель ежовых рукавиц заёрзал, но так ничего и не ответил.

– Чем беднее зверь, тем свободнее от реализации излишних потребностей, – однажды провозгласил Павиан и повысил налоги.

В ответ белка-живописец нарисовала шестнадцать плакатов «Да здравствует Павиан – самый заботливый из всех правителей!», и аристократки стали ходить с ними по лесу, громко слава царя зверей.

Павиан сразу понял, что белки замыслили неладное, и, пытаясь разгадать их план, повредился рассудком.

Молодой референт епархиального управления с утра сидел в канцелярии и играл в шестую «Цивилизацию». Дверь открылась без стука, впусив двоих дядек при пиджаках и галстуках, с масками на подбородках.

– Ворвитесь! – любезно предложил иподьякон, опознав в пришельцах сотрудников областной администрации, после чего продолжил осадку Вестероса.

– Владыка у себя? – спросил дядька в синем пиджаке вместо приветствия.

28

Референт вместо ответа помотал головой и ударил по стенам города катапультой.

– Он не отвечает на звонки, – сообщил дядька в сером пиджаке.

– Он и на мои-то не отвечает, – участливо отозвался полководец и подвёл к городу арбалетчиков.

Дядьки переглянулись.

– Замгубернатора умер вчера, надо бы отпеть в соборе завтра в час, – сказал синий.

Иподьякон отрицательно хмыкнул:

– Власти запретили присутствие людей на церковных службах, если только это не сотрудники храмов. Хотя, – он поднял взгляд над монитором, – на Пасху в Никитский храм мою маму полиция не пустила, а она староста... Нельзя, короче.

– Заместитель. Губернатора, – со значением произнёс синий, сурово глядя на парнишку.

Тот встал, нашёл распечатку распоряжения, перечитал, пожал плечами и сказал:

– Нет, тут ничего не сказано об этом. Закон есть закон.

Серый знаком остановил покрасневшего синего и дипломатичным тоном предложил совершить отпевание вне храма: на кладбище, на улице, в ритуальном зале.

– Скопление людей запрещено, – покачал головой референт и ударил по Вестеросу мечником.

– Хорошо, а заочно? – продолжал серый.

– Заочно можно, конечно, – закивал иподьякон. – Свидетельство о крещении есть?

– Слышь ты, пацан! – взревел синий дядька.

– Ой, а вы что, сидели? – уважительно спросил референт, округлив глаза.

– Чего-о?! – ошарашенно протянул багрово-синий.

– Ну вы ведёте беседу прям как мой двоюродный дядюшка, который пятнашку отсидел за убийство с отягчающими, – пояснил иподьякон. – Утро в хату, часик в радость! Респект!

Серый поспешно взял синего под руку и увёл из канцелярии по-английски, не прощаясь.

А канцелярский сотрудник безмятежно продолжил войну со шведами.

Поддавшись панике, Павлиан назначил одну из обезьян своей помощницей по делам белок. Надев маску дружелюбия, уполномоченная нанесла визит в одиозный клуб для укрепления взаимопонимания.

– Бал-бал-бал-бал, – приветствовали аристократки чиновницу, – бол-бол-бол-бол.

Обезьяна почесала голову задней лапой.

– Лок! Вок! Мок! Рок! – раззадорились белки. – Лук! Лак! Лик! Лек!

«Дичь какая-то», – решила обезьяна и ушла ни с чем.

«Сложная это штука – взаимопонимание», – подумали оппозиционерки и продолжили заседание.

Ученики спросили мнение учителя о происхождении Благодатного огня: сходит ли он сам или его зажигают люди?

– Если честно, я без понятия, – ответил наставник. – В любом случае это не влияет на содержимое потиров на литургии.

– Скоро референдум, – сказали монахи вышедшему из отпуска сторожу. – Будешь голосовать за поправки?

– Зачем? – удивился дядька, почесав бороду.

– Ну как? Правовое государство строить, скрепы там, все дела, – предположил новоначальный насельник.

– Правовое государство – это как сказочный теремок, – ответил сторож. – Его стены действуют лишь на воспитанных зверей, которые и так ведут себя прилично, а против медведей, увы, бессильны.

– Жаль, что ты семейный, – мечтательно сказал отец Тигрий, – был бы неплохим игуменом. А я бы схиму принял.

Павлиану надоело читать свои мысли, и он решил научиться читать чужие. Для этого он уселся напротив одной из обезьян и стал молча смотреть ей в глаза. Обезьяна занервничала и начала чесаться, а глаза её забегали.

«Замышляет против меня», – понял царь зверей и бросился на неё.

Несчастливая пустилась наутёк с жалобными криками. Остальные обезьяны поняли, что дело швах, собрались и покинули лес.

– Так проходит слава мирская, – глубокомысленно заметили белки, глядя на представление сквозь бокалы с виски.

А Павлиан забрался в своё жилище и заперся там, поскольку ему открылись нелестные мысли своих бывших подданных.

Когда стало ясно, что Павлиан недееспособен, лесные обитатели собрались, чтобы обсудить, кто будет новым правителем.

Много копий было сломано, пока не вмешались белки.

– Пусть царём станет тот, кто займёт жилище Павиана, – предложил они.

– Я на скалу не влезу, – возразил Крокодил.

– Замечательно, – откликнулись аристократки.

Львы, волки, медведи и прочие могучие звери также отказались лезть на скалу. Птицы, горные козлы и некоторые зверушки могли, но тут вперёд вышли лемминги и робко заметили:

– Но ведь Павиан кусается.

– Именно! – радостно воскликнули белки. – В этом-то и вся соль!

Посовещавшись, лесные граждане решили, что как-нибудь обойдутся вообще без царей.

– А как же Павиан? – спросил Барсук.

– Пусть считает себя царём сколько влезет, а то жалко его как-то, – ответили оппозиционерки.

Один молодой чиновник зашёл в собор, дабы высказать отцу Пью, что православные всё нарушают и вообще тут Ухань, Содом, ад и Пакистан. Для наглядности он ткнул пальцем в женщину, пришедшую на огласительную беседу.

Женщина, вздрогнув, ударила слугу народа по руке и возмутилась:

– Какого чёрта вы тут мне свои вирусы разбрасываете? Где ваша маска вообще? Дистанция за вас Онищенко соблюдать будет?

– Я, между прочим, представитель власти, – строго сказал чиновник, скрестив руки на груди. – Попрошу соблюсти христианское смирение. Церковь должна сотрудничать с властями и хранить духовные скрепы, – продолжал он.

– Командир какой нашёлся, – насупилась оглашаемая и отвернулась.

– А что с чем скреплять? – отозвался протопоп. – Церковь законодательно отделена от государства, а касательно смирения разговор может быть лишь с христианином.

– Я, между прочим, крещёный, – сказал чиновник, покосившись на недовольную женщину.

– Не припомню вас на службах, – отозвался протопоп.

– У меня Бог в душе, – парировал госслужащий.

– Сегодня у него Бог в душе, а завтра пару миллиардов в квартире найдут или как это у них обычно бывает, – вмешалась будущая христианка.

Чиновник поморщился.

– Эх, не восстал бы Иуда Искариот на суд с такими христианами, иначе осудит их, поскольку ему хотя бы несколько лет было с Христом не в тягость провести, – вздохнул отец Пью. – Вот пришли вы, представитель власти, и с ходу в конфронтацию с народом вступили. Зачем только?

– С каким народом? – удивился начальник.

– Да мы и есть тот самый народ, и вы снова станете его частью, когда уволят или на пенсию выйдете. Я, знаете ли, полжизни отпеваю покойников, что знатных, что попроще, а в гробу-то все пахнут одинаково, – поведаль священник.

Чиновник нервно прочистил горло, ничего не сказал, огляделся вокруг да и ушёл.

Бывший царь зверей вышел из своего жилища на обзорную площадку и сразу стал центром внимания свободных обитателей леса.

– Я вас всех насквозь вижу, – неуверенно сказал Павиан.

Кто-то рассмеялся, и старый обезьян вздрогнул.

– А ты, ваше величество, спустись и выведи нас на чистую воду, – храбро предложили львы.

Павиан часто заморгал, потом вдруг распрямился. Его взор на какое-то мгновение приобрёл осмысленность.

– А я смотрю, внутри даже самого благородного зверя всё же прячется гнилой человечишко, – горько изрёк он и ретировался назад, в жилище.

– А вот есть ли смысл ходить на выборы? – спросили ученики учителя.

Отложив «Советский спорт», тот утвердительно кивнул:

– Но не раньше, чем сборная России по футболу начнёт побеждать на чемпионатах.

– А какова связь? – подумав, озадачились ученики.

– Если пока мы не можем набрать одиннадцать футболистов, за которых не стыдно, то где, по-вашему, мы возьмём таких же депутатов? – вопросом на вопрос ответил учитель и снова уткнулся в газету.

Отца Пью срочно вызвали в собор, мол, пришёл человек, хочет поговорить о чём-то очень важном.

– Понимаете, – сказал молодой человек, – Вселенная расширяется, а с ней расширяются все люди.

– Ну это если не выдыхать, – заметил протопоп.

– Я понял, что религии тоже должны расширяться, иначе гармонии не будет. Вы должны признать новую концепцию расширенной нави, чтобы преобразилась явь! – проникновенно сообщил парень.

30

– Расширяя стены сознания, несущие всё же следовало бы оставить, – заметил отец Пью. – А почему ты всё это мне рассказываешь?

– Ну вы же служитель культа, – неуверенно сказал расширенный молодой человек.

– Нарколог я. А пойдём, в баночку помочишься? – предложил священник.

– Сейчас, вот только кота привяжу, а то убежит, – согласился юноша и убежал.

А отец Пью пошёл рассказывать на кассу, как отличать по глазам обычных людей от наркоманов.

* * *

– На что похоже счастье? – спросили ученики своего наставника.

– На очки, которые ищешь повсюду, пока они находятся на твоём носу, – ответил учитель.

* * *

На монастырской трапезе раздражённый сторож, которому кусок не лез в горло, сказал:

– Вот люди антихриста ждут, боятся. А он уже пришёл и придумал ЕГЭ. У меня сын жрать не может, трясётся!

– Вот уж воистину бесовское изобретение, – задумчиво произнёс отец Платон. – Все эти камеры...

– Вот бы за чиновниками следили, как за школьниками во время этих унижительных экзаменов! – стукнул кулаком по столу сторож. – То-то бы экономика попёрла!

– Ваши слова да президенту в уши, дорогой друг, – прожевав пищу, резюмировал отец Тигрий.

* * *

– Что такое парадокс? – спросили ученики учителя.

– Это привычное состояние нашего общества. Порнография, к примеру, есть, а Министерства порнографии нет, зато есть Министерство спорта, но вместо спорта опять порнография, – спокойно ответил учитель и хладнокровно разодрал газету «Советский спорт» на мелкие клочки.

* * *

Отцу Пью приснилось, что он на параде, а с трибуны надрыгается экзальтированный чиновник в венецианской маске-бауте:

– Das Einkommen der einfachen Bürger sollte nicht mit der Inflation Schritt halten!

– Это похоже на главную цыганскую тайну: краденая лошадь дешевле купленной! – крикнул протопоп, а сам подумал: «Откуда я знаю немецкий?»

* Доходы простых граждан не должны идти в ногу с инфляцией! (нем.)

– Du bist ein Kommunist! – возмутился оратор. – Сам ты коммунист! – обиделся отец Пью. – Гитлер капут!

– Гитлер умирать, дело его жить! – парировала маска.

Священник оглянулся вокруг, ища поддержки у собратьев, но они молча надели маски Гая Фокса и отвернулись.

«Надеюсь, какая-нибудь террористическая организация возьмёт на себя ответственность за назначение этого чиновника», – подумал отец Пью и проснулся.

* * *

Белка-поэтесса задумала написать роман в двух частях. С месяц она продумывала сюжетные повороты и разрабатывала развитие персонажей. Затем аристократка взялась за перо, но, так и не написав ни одной строчки, отказалась от затеи.

– Отчего ты не стала писать? – спросили её подруги.

– Внезапно мне стало жаль детишек, которых потом заставят проходить мой роман в школе, – ответила сердобольная белка.

* * *

– Народ всегда будет жить плохо, а власть – хорошо, – заявил с утра в пономарке соборный звонарь.

– И почему же? – спросили его.

– Ночью мне приснился сон, что меня взяли в областную администрацию на какую-то синектуру с окладом в сто пятьдесят тысяч. Так вот. Я понимал, что это космические деньги ни за что, но был доволен и предпочёл забыть о нуждах простых людей. «Вот как это работает», – понял я, проснувшись.

Служители алтаря почесали головы и признали правоту собрата.

* * *

Представители Красного Креста, посетив епархиальный детский дом с бесплатными тестами на коронавирус, разговорились с директором – отцом Пью и высказали мысль, что крест как бренд принадлежит им.

– Если епархия направит нам официальный запрос на использование креста в церковной атрибутике, мы гарантируем положительное решение по данному вопросу, – сказала старшая из них.

– Как только тест владыки на IQ окажется отрицательным, он немедленно так и поступит, – заверил отец Пью.

* * *

Отцу Тигрию позвонили из районной администрации, приглашая к сотрудничеству с онлайн-фестивалем славянской культуры.

– Так он же ведический, – удивился игумен и вкратце объяснил различие между неоязычеством и христианством.

В ответ монах выслушал упреки в ослаблении скреп, неуважении к власти и жалобы на то, как тяжело работает с таким несознательным контингентом, как православные христиане.

– В конце концов, ведическая культура – это наши корни! – сказали на том конце трубки.

– Хватит мне про корни заливать! Вы лучше о своих плодах поведайте, если они хорошие, конечно! – осерчал отец Тигрий и положил трубку со своей стороны радиопровода.

* * *

К отцу Пью на улице подошли молодые волонтеры и пристыдили его за то, что он не носит маску.

– В борьбе со здравым смыслом главное – не победить. Вы если в школе биологию не проходили, так хотя бы следили за новостями, – ответил протопоп. – Всемирная организация здравоохранения уже догадалась, что это не имеет смысла. Впрочем, как и самоизоляция. Можете расходиться по домам, ребята.

– Зачем вы так? – обиделись волонтеры. – Мы все в одной лодке плывём.

– Отвязать только забыли от пристани лодку нашу. А так бы приплыли уже, помилуй Бог, – махнул рукой отец Пью и проследовал своим путём.

* * *

На собрании благочиния один вещей поп стал обличать собрата в симпатии к иудаизму, поскольку тот активно изучал иврит и даже преподавал его своим прихожанам, полагая привить им любовь к Ветхому Завету.

– Мы царственное священство, а не иудеисты какие. Не пристало русскому священнику приставлять новые заплатки к ветхим мехам!

– Как по мне, так лучше сто истинных иудеев, чем один искаротист, – подал с места голос отец Тимофей, не отрываясь от газеты «Советский спорт».

* * *

– В пиратстве каюшь! – закашлявшись, сказал пришедший на исповедь орденосный дедушка.

На всякий случай отец Пью косил глаза в поисках серьги, но не нашёл.

– В смысле йо-хо-хо и бутылка эреспала? – уточнил он.

– В смысле каюшь фильмы из интернета, вору, получается, – призвался ветеран.

– Зарубежные – трофейные, наши – заслуженные, – ответил протопоп.

– Так это значит – можно, что ли? – засомневался дедушка.

Отец Пью сходил в алтарь и вскоре вернулся с бланком какой-то грамоты.

– Се почётное каперское свидетельство, кое аз, недостойный протоиерей, за заслуги перед Отечеством даю вам в индульгенцию во веки веков!

* * *

Как-то раз шестнадцать одиозных белок заметили тенденцию лесных жителей потешаться над умалишённым Павианом. Поймав львов за бросанием грязи в его хижину, аристократки строго посмотрели на них и сказали:

– Невозможно изгнать из себя шакалов, потешаясь над мёртвым львом.

Львы крепко задумались, пытаясь понять, оскорбили их или нет.

– Кто обидит бывшего царя, будет иметь дело с нами, – пригрозили белки и с того дня объявили себя, ко всеобщему недоумению, гвардейцами Павиана.

* * *

Черти устроили экстренное совещание.

– В двадцатом веке мы надоумили некоторых правителей расстреливать попов, запрещать крестные ходы, колокольный звон, проповеди и духовное образование в школах, но люди вопреки нашим усилиям всё равно искали Бога, – выступал почтенный оратор. – Итак, нам нужна новая стратегия!

Черти зашумели. Одни предлагали уже не тянуть с антихристом, другие – устроить гражданскую религию, смешав христианство с поклонением героическим предкам, третьи ратовали за полный слив компромата на духовенство, несколько чертей вовсе придерживались коллаборационистских взглядов, но благоразумно помалкивали.

– Предлагаю всё, что раньше было запрещено, сделать обязательным. А Закон Божий чтоб в школах вели самые слащавые из христиан, а также те, кто по-настоящему ненавидит детей, – робко высказался один чертёнок и тут же получил повышение по службе.

* * *

Однажды лемминги стали носить шапочки из фольги. Белки не преминули спросить о назначении этой передовой технологии, на что получили ответ, что они боятся дистанционного воздей-

32

ствия на мозг, а так он не виден для злоумышленников.

– Да, мозг, само собой, не виден, но вот его отсутствие будет заметно и без шапочек, – заметили аристократки.

– А кто такие эти католики? – спросила перед службой одна старушка другую.

– Это у которых Папа Римский непогрешимый и командует всеми, – ответила её соседка, копаясь в сумке.

– А у нас?

– А у нас что ни поп, то непогрешим, да и вообще пастырь добрый, – сказал отец Пью, проходя мимо.

– И ему же несут овцы своя, – добавила вторая старушка машинально.

– Вот же вражья сила! – ахнула первая и перекрестилась.

В штаб шестнадцати заявили бараны и вызвали обеспокоенность тем фактом, что волки стали наряжаться в овечьи шкуры.

– Это, несомненно, обескураживает, – подумав, ответили белки. – Теперь берегитесь, как бы они не начали рядиться пастухами.

Юный алтарник на дистанционном школьном уроке по праву спросил учительницу:

– А зачем правительство принимает плохие законы?

Учительница напряглась и возмутилась:

– Чего это они вдруг плохие?

– Ну как? Их же переписывают всё время, правки вносят. Получается, либо законы плохие, либо глупых людей набирают в правительство, – ответил пономарь.

Учительнице внезапно стало жарко, и она прервала конференцию Zoom во избежание осложнений с карьерой.

– А почему никто не выполняет поручений президента? – спросили ученики учителя.

– Потому что всякий чиновник втайне надеется, что поручения даны телевизору, а не ему лично, – отозвался учитель, не отрываясь от газеты.

Во время видеоконференции в Zoom семинаристы подловили преподавателя на незнании существенного факта.

– Если я чего-то не знаю, это совсем не означает, что вы знаете мой предмет лучше меня и мне нечему вас научить, – ответил преподаватель.

– Так вот ты какое, число зверя! – в чувствах бормотал настоятель новопостроенного храма, созерцая новую сумму налога на содержание епархии.

– Это вы ещё коммуналку не видели, батюшка, – ответил ему бухгалтер, подавая платёжные документы. – Вот уж где inferнальная математика!

Отслужив на Вознесение, архиерей позвал соборное духовенство на шашлыки. Выбрали безлюдное место на берегу реки и решили искупаться, пока готовится мясо. Кинули жребий. Заниматься шашлыками выпало ключарю. Тот стал отнекиваться, мол, ни разу шашлыки не жарил.

– Чего там жарить? – удивился владыка. – Вот хворост, спички, мясо и шампуры.

– А чего сразу я? – заупрямился протопоп. – Вон дьяконы есть.

– А жребий тогда зачем? – в свою очередь заартачились дьяконы.

«Будет вам шашлык!» – оскорбился ключарь. Запалил костёр, нанизал мясо на шампуры и воткнул их в землю вокруг огня.

Накупавшись всласть, злодеи, вернувшись, обнаружили, что мясо сгорело с одной стороны, а с другой осталось сырым.

– Я же говорил, что не умею жарить, – развёл руками протопоп.

Больше его с собой не брали.

– Откуда взялся образ волков в овечьих шкурах? – спросили ученики своего наставника.

– Настоящим волкам свойственно уверять овец, что все вместе они одна стая, – ответил учитель.

Один человек тайком сжёг вышку 5G неподалёку от своего дома, поскольку прочитал, что в Брюсселе они запрещены ввиду отсутствия исследований о влиянии оных на здоровье человека. Вышку 4G он, впрочем, жечь не стал, как и вайфай-роутер с микроволновкой. Целыми остались автомобили во дворе, отравляющие воздух выхлопными газами, заводы, бензоколонки и буровая установка за городом. По улицам города разгуливали маньяки и коррупционеры, наркоманы разрисовывали стены рекламой, а в администрации подписывали решение о перепрофилировании кардиоцентра в пятый по счёту ковидарий.

Но на душе у человека было невыразимо спокойно.

33

* * *

Ученики спросили учителя о беспорядках в США и расовой толерантности.

– Доведение до абсурда – вот скрытый смысл происходящего, – изрёк учитель. – Таким образом разница между чёрным и белым лишь подчёркивается и усиливается несложными манипуляциями извне.

* * *

– А что, отче, вы ведь филолог по первому образованию? Помогает ли в духовной жизни литературный багаж? – спросил отца Тигрия один госчиновник, посетивший монастырь по принуждению жены.

– Ещё как! – ответил игумен.

– А взять хотя бы басни Крылова. Какой в них духовный смысл? – оживился дядька.

– «Ворону и Лисицу» помнишь?

– Как не помнить? Учили в школе.

– Цена свободы слова: клюв раскроешь – сыр потеряешь, – поучительно поведал отец Тигрий.

Чиновник хмыкнул:

– А «Стрекоза и Муравей»?

– Артистка в беде и немилосердный министр.

– «Свинья под дубом»?

– Губернатор-временщик.

– «Мартышка и очки»?

– Глава департамента по культуре.

– «Кукушка и Петух»?

– Чиновники ленточку режут.

– А «Квартет»?

– Ротация чиновников по должностям.

– Да что же у вас всё про госслужащих-то выходит? – рассердился дядька.

– Так то Крылов. Ну, будь здоров! – сказал игумен, перекрестил паломника и удалился в свою келью.

* * *

К епископу пришёл «уполномоченный по делам религии», как его называло духовенство. Пожаловался на дьякона Дионисия, который в момент визита высокопоставленных лиц в Дмитриевский храм на престольный праздник стал напевать: «А-а, здравствуйте, рожи вот такой ширины!»

Архиерей участливо смотрел на уполномоченного.

– Наказать надо бы вашего подчинённого, – сказал чиновник.

– За что? – поинтересовался владыка.

– Как это за что? – опешил уполномоченный.

– А разве у кого-то из присутствующих были рожи? – удивился епископ.

Чиновник замаялся.

– Вы ведь не считаете, что эти слова кому-либо подходят? – продолжил архиерей.

– Вы знаете, владыка, я надеялся на понимание и сотрудничество, – нехорошим тоном произнёс уполномоченный.

– Отец Дионисий немного юродствует по жизни. Если я стану наказывать своё духовенство из-за такой ерунды, какой я буду архиереем? Надеюсь на ваше понимание.

Чиновник ушёл недовольный, а владыка вызвал к себе дьякона и дал ему задание за неделю посмотреть все советские фильмы про разведчиков.

* * *

Семинарист дядя Фёдор провёл трансляцию в соцсети, где он преклонил колено перед зоопарком в знак протеста против человеческих привилегий. Причём собрал кучу лайков, весёлых комментариев и один недовольный комментарий от «уполномоченного»: «Ну и к чему это разжигание?»

Комментарий собрал ещё больше других комментариев, чем сама трансляция, за которую дядя Фёдор получил месячный бан от администрации.

* * *

Ученики приступили к своему наставнику с текстом акафиста.

– Приемлет ю в путеводительницу воинству своему и в день брани на свеев в щит и покров, – зачитали они.

– А кто такие свеи? – спросил старший из учеников.

– Шведы, вестимо, – отозвался учитель.

– А почему нельзя было так и написать? – удивились ученики.

– Вдруг они обидятся? – был ответ. – Хотя, учитывая, с каким счётом они нас обыграли в феврале, я бы за них так не переживал,

– Зря, видать, хоккеисты не читали акафиста, – рассудили ученики и пошли его дочитывать.

* * *

Выйдя в храм покадить, дьякон Дионисий услышал приглушённые звуки перебранки в дальнем углу храма.

– Что у вас случилось? – поинтересовался он у пожилой прихожанки.

– Место моё заняла! – обвиняюще указала та на растерянную молодую женщину.

– Так не на кладбище же, – примирительным тоном сказал дьякон, за что тут же, на месте, и был проклят до седьмого колена.

* * *

Отцу Тигрию позвонили из администрации:

– В бюджете нехватка средств на ОМС, нужно бы в вашем монастыре провести пропаганду здорового образа жизни.

– Вейперы на вверенной мне территории не наблюдаются! – бодро отрапортовал игумен.

– Вот вы снова ёрничаете, а между прочим, принуждение гражданина к выполнению обязанностей, которые он обязан выполнять, – это нормальное дело! – недовольно сказала трубка.

– Это приказ? – поинтересовался настоятель.

– Это реальность!

– А спонсор вашей реальности не героин, случайно? – задумчиво спросил отец Тигрий и повесил трубку.

К белкам пришла делегация зверей и пеняла им на бездействие. По мнению лесных обитателей, одиозный клуб должен был не только курить сигары и пить виски, но и формировать гражданскую позицию, участвовать в политической жизни, заниматься социальными вопросами и ещё очень многими другими делами.

Белка-поэтесса выдохнула дым красивыми колечками и предложила:

– А давайте мы Медоеда в лес приведём, чтоб не скучно было.

Звери почесали головы и удалились. Больше они к белкам не приставали.

Владыка взял дьякона Дионисия в собор на месячную практику, убедившись, что тот часто путается в молитвах и действиях.

На первой же архиерейской службе дьякон, узнав, что после заамвонной молитвы будут награждать некоторых чиновников, занервничал и, выбрав время, когда архиерею подавали заповку, пробрался к нему.

– Владыка, а почему у нас в церкви нет богослужебных козлецов? – спросил он, моментально приведя протодьякона в состояние жесточай-

шего испанского стыда. Молодые иподьяконы открыли рты и переглянулись. Отец Пью подавился антидором.

– Козлецов, говоришь? – невозмутимо уточнил епископ, знаком остановив ключаря.

– Орлецы постилают под орлов, а козлецы бы под козлов! – бодро сообщил отец Дионисий.

Отец Пью незаметно выплыл из алтаря, чтобы не слышать продолжения.

– Ну и кого бы ты на них поставил? – внимательно взглянул на дьякона архиерей.

Дьякон замялся.

– А боишься сказать вслух – тогда и не балабол! – отрезал владыка и продлил ему практику ещё на месяц.

К отцу Тигрию пришли два семинариста просить благословения на монашество. Внимательно посмотрев на них, тот вынес из кельи волынку и велел исполнить на ней что-нибудь монашеское.

Услышав от ошалевших ребят невразумительные речи о невозможности исполнить его благословение, игумен сказал:

– Ну что вы за монахи такие? Жениться вам надо. Подите прочь.

35

Владыка сидел над прошением отпеть самоубийцу, которого довели коллекторы, когда ему позвонил губернатор. Глава области хотел, чтобы всё духовенство проявило сознательность, явившись на избирательные участки. Явно не говоря о том, как именно нужно проголосовать, он тем не менее дал понять, что сам думает о конституции и поправках.

– Если в поправках будет запрет коллекторской деятельности, я не то что отдам такое распоряжение, я анафему провозглашу всякому, кто будет хотя бы высказываться против, – устало сказал епископ и стал размышлять, чем займётся в случае отправки на покой.

